

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Н.Е. ТИХОНОВА

Социальный либерализм: есть ли альтернативы?

Тему социального либерализма автор рассматривает сквозь призму качества государства. Одно дело – государство, стоящее над обществом и проводящее по отношению к подданным патерналистскую политику, исходя из собственного понимания их интересов. Другое – государство, строящееся на основе договора между ним и обществом и, соответственно, предполагающее выработку социальной политики, опирающейся на согласование интересов различных групп общества и государства. В России пока существует государство первого типа, но общество уже явно недоволено этим и во все большей степени выдвигает требования перехода к государству второго типа. В методологии же социальных наук автор считает важным исследование того, в какой степени государство реализует “общий интерес” и как отразить это в аналитических и математических моделях, описывающих российское общество.

Ключевые слова: социальный либерализм, социальное государство, общественный договор, общий интерес.

The theme of social liberalism is examined in the light of the quality of the state. One thing is a state that stands above society. The other – a state based on an agreement with society and, therefore, requiring the adoption of social policies, based on the alignment of interests of different groups. In Russia, there is a state of the first type, but the society is clearly unhappy about this and increasingly makes demands for transformation of the state. In the methodology of the social sciences as the author believes it is important to study the extent to which the state is implementing a “common interest” and how it is reflected in the analytical and mathematical models describing the Russian society.

Keywords: social liberalism, social state, social contract, general interest.

Не будучи специалистом в области экономической методологии, я никак не ожидала, что статья А. Рубинштейна [Рубинштейн, 2012] вызовет у меня желание включиться в обсуждение проблем социального либерализма. Тем не менее по прочтении этой статьи такое желание у меня не просто возникло, но оказалось весьма настоящим. Ведь хотя сам автор подчеркнуто сужает фокус своего внимания до проблематики теоретико-методологических оснований развития экономической науки, реальный смысл этой статьи гораздо шире и выходит на проблематику теоретико-методологических оснований развития социальных наук вообще. Более того, в той мере, в которой достижения социальных наук учитываются в практике управления, вопрос в ней стоит и о тех исходных, аксиоматичных предпосылках, из которых исходит государственное

Тихонова Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, заместитель директора Института социологии РАН.

управление. Рубинштейн и сам подчеркивает этот аспект своего анализа, говоря о государственной активности, ориентированной на решение социальных задач и реализуемой в рамках рыночной по своей сути экономики, как о ключевой характеристике социального либерализма. Принципиальным вопросом в этих условиях становится вопрос о векторе и содержании этой государственной активности. Отражает ли она реальные интересы общества, которые лишь частично совпадают с частными интересами его членов? Или же за ней стоят только интересы отдельных элитных групп?

Именно в ответе на эти вопросы и заключается, по-моему, главная проблема выбора теоретических подходов и методологии для анализа практически любого предметного поля. Ведь тот или иной ответ на них фактически не только ставит диагноз реальному состоянию общества, но и позволяет определить сам его тип, предопределяя тем самым методы анализа и диапазон оценок для полученных в ходе этого анализа результатов.

И в данной связи в первую очередь, на мой взгляд, надо обратиться к вопросу о том, что вообще представляют собой рыночная экономика и основанное на ней современное общество, поскольку сам по себе рынок в той или иной мере присутствовал в обществах разных типов. Суть рыночной экономики и рыночных отношений вообще не в том, что это нерегулируемые отношения. Они регулировались всегда и достаточно жестко – или законом, или традицией. И не в том, что в основе их лежит материальная выгода: ее каждый понимает по-своему, и обмен золотом на побрякушки во времена открытия Америки Х. Колумбом имел по всем формальным признакам вполне рыночный характер. И уж тем более не в том, что в них отсутствует общий интерес: без соблюдения этого интереса, заключающегося, как минимум, в создании и поддержании определенных “правил игры”, возможна лишь “война всех против всех”, ради предотвращения которой, как отмечал еще Т. Гоббс, и возникает государство-Левиафан. Последнее имеет массу недостатков и создает много проблем, но является объективной необходимостью в условиях, когда на смену традиционному обществу приходят в ходе модернизации (индустриализации, урбанизации и т.д.) общества модерна с характерными для них атомизацией индивидов, отсутствием естественных интеграторов, распространяющимся этическим релятивизмом и т.д. Соответственно, главная социальная функция государства в обществах модерна, строящихся на рыночной экономике как своей объективной предпосылке, обеспечение единства общества и возможностей его развития. Уже само по себе это означает наличие некоего общего интереса, и заведомо невозможна реальная политика государства без учета этого интереса.

В данной связи ключевой вопрос, на который необходимо найти ответ при анализе общества, в том числе и при построении соответствующих экономических моделей, на мой взгляд, не в том, есть ли такой общий интерес, нужно ли его учитывать и как это сделать. И даже не вопрос, является ли этот интерес социальным по своему характеру. К сожалению, понятие “социальное” прочно ассоциируется у многих российских экономистов с вытекающей, видимо, из их повседневного опыта связью с “собесом” и социальной помощью. На самом деле “социальное” означает в науке характеристику общества как особого, единого “социального организма” в отличие от биологического организма или популяции. Соответственно, это понятие обозначает все, что относится к обществу как единому целому.

Ключевым же является уже упоминавшийся мной выше и поставленный в статье Рубинштейна вопрос о том, *чьи интересы выражает государство-Левиафан, насколько его деятельность реализует те самые общие социальные интересы?* Напомню: реализация этих интересов в современной экономике практически всегда оказывается в той или иной степени полезной и для самой экономики, создавая пресловутые экстерналии (инфраструктуру, рабочую силу определенного качества, социальный капитал общества и т.п.). Не случайно вот уже более 30 лет в развитых странах успешно развивается такое направление экономической науки, как социэкономика, изучающая

взаимосвязи экономических и социальных аспектов функционирования и развития хозяйственных систем различных уровней¹.

Итак, для корректного учета государственной деятельности в любых экономических моделях прежде всего необходимо определиться с тем, с каким типом государства мы имеем дело – с государством, выражающим интересы общества и получившим мандат доверия на свою деятельность от граждан, готовых ради реализуемых им общих интересов добровольно поступиться частью своих прав и доходов, или же с государством, рассматривающим население страны как своих подданных, вынужденных подчиняться силе государственной машины и обязанных платить государству дань (что, собственно, и отражает понятие “подданные”, то есть находящиеся “под данью”). В первом случае мы будем иметь дело с государствами современного типа, во втором – с архаическими моделями государств. И именно это предопределяет и методологию, используемую для их анализа, и оценки полученных в ходе анализа результатов. Нельзя же всерьез говорить о том, что с одинаковыми измерительными инструментами и шкалой оценок можно подходить к анализу, например, общества в Древнем Египте и в современных США. Это принципиально разные объекты изучения, хотя в обоих случаях по крайней мере элементы рыночных отношений в этих обществах присутствовали.

В данной связи вновь хотелось бы вернуться к вопросу о сути рыночных отношений, главной особенностью которых, на мой взгляд, выступает то, что по сути своей это *договорные отношения между свободными агентами*. И именно в этом их главное отличие от экономик нерыночного типа, где на место договора в процессе производства и перераспределения произведенного продукта приходит власть. Власть как принуждение, основанная на силе, или власть как авторитет, основанная на традиции, но также не оставляющая индивиду свободы выбора. Именно *степень вовлеченности членов общества в эти договорные отношения позволяет оценивать общества с точки зрения развитости в них рыночных отношений вообще*. И если, например, в современных США в них включены практически все члены общества (как через рынок труда, так и через различные рынки товаров и услуг), то в Древнем Египте в рыночные отношения была включена лишь очень незначительная часть населения.

Если с этой точки зрения посмотреть на взаимоотношения не только частных агентов между собой, но и на их отношения с государством, то можно выделить характерные для неразвитых и развитых рыночных экономик модели их взаимодействия. Выплачивая государству налоги, индивиды выступают, соответственно, либо как вынужденные делать это под угрозой применения силы бесправные “данники” (и тогда бесполезно говорить о том, что в этом государстве существует развитая рыночная экономика и свобода вообще, а государство выражает общий интерес), либо как *партнеры по договору* – тому самому “*общественному договору*”, идея которого начала вызревать еще в Новое время и получила свое полное развитие в эпоху Просвещения и буржуазных революций XIX в. В рамках этого явного или неявного общественного договора, государство, ориентируясь на сохранение рыночного (то есть свободного договорного) типа отношений как основы общественного развития, учитывает в силу наличия этого общественного договора *интересы всего общества, реализовывает не сводимые к интересам отдельных людей общественные запросы*.

Формально переходу к такому общественному договору соответствует введение всеобщего избирательного права и появление различных моделей демократического устройства общества, а фактически – лежащее за ними как их неотъемлемая предпосылка *признание за каждым человеком права свободно распоряжаться самим собой и своей судьбой, включая свободу распоряжения своей собственностью. Часть этой свободы он добровольно и делегирует государству в обмен на выполнение последним определенных функций, реализовать которые каждый человек в отдельности и даже*

---

¹ В последние годы оно начало проникать и на российскую почву, пионером чего выступила НИУ–ВШЭ (см., например, фундаментальную работу М. Шабановой [Шабанова, 2012], а также [Шабанова, 2010]).

все люди вместе без такого института, как государство, не в состоянии. Без понимания этой добровольности, являющейся отражением свободы индивида, с одной стороны, и договорного характера его отношений с государством² – с другой, невозможно понять признание индивидуальной свободы высшей ценностью и, одновременно, признание легитимности власти государства – пусть и в минимальных масштабах. Впрочем, вся “соль” именно в том, что считать тем минимумом, ради которого общество готово терпеть существование государства и признавать его власть легитимной.

Альтернатива такому подходу – идеология анархизма, предлагавшая свое видение взаимоотношений государства, с одной стороны, и общества и индивидов – с другой. Разработанная в обществах и для обществ, где государство отнюдь не является в этих отношениях равноправным партнером (рассматривая индивидов лишь как “подданных”, отрицая существования общества как целого с особыми интересами и сводя последние лишь к интересам страны, “державы”), идеология анархизма не случайно прочно ассоциируется в мировой науке с Россией. Именно тут она была сформирована в ее классической форме и получила широкое распространение. И альтернативой идее общественного договора, предложенной анархизмом, была идея отрицания необходимости существования государства как такового.

Западный же путь развития, признав свободу человека базовой и высшей ценностью, признал как аксиому и идею общественного договора. Именно это признание, ознаменовавшее важнейшее принципиальное отличие общества модерна от всех моделей предшествующих типов обществ (традиционных обществ или обществ домодерна), и стало основой идеологии либерализма, а с учетом необходимости наличия у граждан возможностей для защиты своей свободы – и основой существовавших в последние два века моделей демократического устройства общества³. Это признается всеми, в том числе и российскими либералами. Но при этом часто забывается другая сторона той же проблемы: вытекающее из свободы право вступать в договорные отношения, в том числе и с государством, как равноправный партнер.

Таким образом, *возникновение принципиально нового типа общества, которое можно называть по-разному – буржуазным, капиталистическим, индустриальным и т.д., – автоматически привело не только к изменению нормативно-ценностных систем населения, но и к пересмотру идеологии деятельности государства, сути взаимоотношений его с обществом. Эти отношения стали договорными, и в основу такого договора легли ценности свободы и индивидуальных прав его граждан, равенства их перед Законом и т.п.* Именно эти ценности и стали основой новых институтов. На первый взгляд, это были ценности “негативной свободы”, или так называемые негативные права, предполагающие невмешательство в дела индивида и отсутствие у кого бы то ни было, прежде всего у государства, права требовать от него чего бы то ни было, кроме соблюдения предусмотренных Законом обязанностей. *На самом деле это была не “свобода от” (обязательств, ответственности и т.п.), а “свобода для” (защиты себя и своих интересов, напрямую связанных с утверждением ценностей либерализма), предполагающая наличие работающих институтов и пришедшая на смену характерной для обществ домодерна индивидуальной несвободе, независимо от наличия или отсутствия в этих обществах личной закрепленности индивидов (рабовладения, крепостного права и т.п.).*

² Я говорю, разумеется, о теоретико-идеологической модели обществ модерна, а не о ситуации, реально существующей в каждый данный момент в отдельных обществах на микроуровне.

³ В этой связи нельзя не упомянуть и об известной проблеме либерализма, заключающейся в противоречии между двумя его базовыми постулатами – правом на свободу и правом собственности. Выступая первоначально, в момент возникновения либерализма как определенной общественной идеологии, как равнозначные, эти права очень скоро стали восприниматься как во многом альтернативные. Суть данного конфликта очень точно охарактеризовал еще Дж.С. Милль [Милль, 1980, с. 373]. И он же предложил выход из нее, основанный на том, что в дилемме свобода / собственность приоритет должна иметь ценность свободы, а институт собственности должен стать лишь средством ее обеспечения и в этом отношении выступать как инструментальная, а не терминальная ценность.

С этого же момента началась и эволюция представлений об общем интересе, поскольку *функции, которые выполняет государство в рамках общественного договора, меняются во времени и определяются реальным состоянием общества*. Первоначально тот общий интерес, который должно было реализовывать в своей деятельности государство, сводился только к правовой, военной, дипломатической и т.п. деятельности, обеспечивавшей общественный порядок и защиту граждан в эпоху так называемых национальных государств, соответствовавших индустриальному этапу развития. Однако по мере развития общества и усложнения общественной жизни, особенно с переходом к поздне- и постиндустриальному этапу развития, стало ясно, что этого уже недостаточно, что общество имеет и другие не сводимые к интересам отдельных его членов общие интересы даже в рамках тех же видов деятельности. Так, функция обеспечения безопасности потребовала уже и активной экологической, миграционной и т.п. политики. Более того, в эпоху глобализации общественной жизни вообще и формирования глобальной экономики в частности функции государства в рамках общественного договора между ним и его гражданами стали зависеть не только от ситуации внутри страны, но и от особенностей ее места в мире, и тех задач, которые общество видит в этой связи как приоритетные. При этом *состав и соподчиненность данных функций в значительной степени определяются не только экономическими возможностями общества или политической ситуацией в нем, но и особенностями национальной культуры, прежде всего в части господствующих как в обществе в целом, так и в его элитных группах нормативно-ценностных систем*.

Я не буду уходить в детальный анализ этих функций и места их в современных типах обществ. Отмечу лишь, что в тех современных государствах, которые мы привыкли называть “развитыми”, в их число входят не только все функции, обеспечивающие стабильность, понятность и прогнозируемость развития страны, без чего человек не в состоянии самостоятельно разрабатывать и реализовывать эффективные индивидуальные поведенческие стратегии, а именно это и предполагает прежде всего идея индивидуальной свободы с вытекающей из данной свободы индивидуальной ответственностью за свою судьбу. Это также и многие другие функции, отражающие “общий интерес” любого общества в современном мире, среди которых:

– функция обеспечения конкурентоспособности страны на международной арене и будущего благоприятного ее места в глобальной экономике за счет создания необходимых для этого экстерналий, в частности поддержания и наращивания качества человеческого потенциала ее населения в процессе реализации специально нацеленной на решение этой задачи социально-экономической политики, в том числе инвестиционной, налоговой и т.д.;

– функция обеспечения интеграции общества в условиях исчезновения характерных для доиндустриальных обществ интеграторов, обеспечение его внутренней солидарности и единства (задача, которую у нас в стране все последние годы пытаются решить с помощью поиска национальной идеи, хотя в обществах современного типа ее обычно реализует государственная социально-экономическая политика, строящаяся с учетом характерных для культуры данного общества представлений о социальной справедливости и опирающаяся на достаточно мощную идеологическую поддержку);

– функции смягчения избыточных социальных неравенств и помощи малоимущим, вот уже более века реализуемые как самостоятельные направления государственной политики во многих странах мира и имеющие огромное значения для обеспечения внутренней целостности общества и поддержания определенного уровня доверия в нем.

К сожалению, *исторически Россия не прошла эволюцию, связанную с формированием в обществе идеи общественного договора*, – эволюцию, прямо сопряженную не только с экономической, но и с социальной и социокультурной модернизацией⁴, и до

---

⁴ Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной, культурной, демографической, но и социокультурной модернизации. Под по-

сих пор относится к обществам неозакратического типа [Шкаратан, 2009], где экономические отношения имеют в значительной степени вверьяночный или псевдорыночный характер, власть и собственность сращены при решающей роли в этом “дуэте” власти, индивиды – скорее подданные, чем граждане, и т.д. В обществах такого типа в силу отсутствия реального равенства всех перед законом, можно говорить лишь о свободе “власти” и ее агентов в противовес несвободе всех остальных членов общества, независимо от декларируемых для них этих свобод. Это означает автоматически и *непринятие идеи общественного договора элитами, а следовательно – подталкивает их к весьма специфической трактовке общего интереса даже в том случае, если он ими признается.*

Как я уже не раз демонстрировала в своих работах, и социальная, и социокультурная модернизация после “рывка” 1920–1930-х гг. и периода “хрущевской оттепели” характеризуются в России тенденциями “зависания” (см. [Тихонова, 2008^а; 2008^б; 2011^а; Готово ли... 2010] и др.). Мало повлияли на ситуацию и реформы 1990-х гг. При всей их кажушейся революционности, с точки зрения реального смысла, они не изменили саму модель российского социума, оставшегося разнородностью обществ, характеризующихся сращенностью власти и собственности. По сути, уход от советского прошлого означал лишь смену в стране политического режима с одновременным разделом части ранее государственной собственности между элитными и субэлитными группами. Ценности индивидуальной свободы и переосмысление в этом контексте сути отношений индивидов с государством, а следовательно, и смысла деятельности последнего, так и не стали отправной точкой и общим мерилем для всех разворачивающихся в российском обществе процессов.

Однако *эти реформы сыграли роль своего рода “спускового крючка” для изменения нормативно-ценностных систем населения и создали предпосылки для перехода общества к той модели развития, которую принято характеризовать как “западную”, то есть такую, в основе которой лежит общественный договор, основанный на признании ценностей индивидуальной свободы и равенства всех перед законом, регулирующим все виды договорных отношений, из чего, в свою очередь, вытекают и демократическое устройство общества, и идея прав человека, и многое другое. Фактически страна переходит сейчас от состояния негативного общественного договора (“вы сами по себе, мы сами по себе”; “вы нас не трогаете, а мы закрываем глаза на то, как вы разворовываете ранее общенародную собственность”⁵) к созданию новой повестки дня, предполагающей, с точки зрения населения, необходимость формирования позитивного общественного договора. Со стороны государства же эта повестка дня все больше выглядит как попытка уйти от необходимости договорных отношений с обществом и индивидами.*

Эти тенденции и тот факт, что любой общественный договор, без которого невозможно говорить о современной, свободной и цивилизованной стране, имеет две стороны, двух субъектов: государство в лице его политической и административной элиты, с одной стороны, и общество в лице его граждан – с другой. Они подталкивают к тому, чтобы рассмотреть, как же выглядят в России представления о необходимости формирования и возможной сути этого договора у каждой из его потенциальных сторон. Не уходя в подробный анализ этих представлений, данный в других моих работах [Тихонова, Шкаратан, 2003; Тихонова, 2006; 2011^б; 2011^в; 2012], отмечу лишь несколько имеющих принципиальное значение обстоятельств, позволяющих лучше понять, в рамках какой идеологии (неолиберализм, социальный либерализм, социализм, коммунизм и т.д.) возможно найти консенсус между двумя сторонами этого договора применительно к России.

следней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

⁵ Подробное о характере негласного общественного договора периода 1990-х гг. см. [Тихонова, Шкаратан, 2003].

Если говорить о населении страны, то в его сознании сегодня парадоксальным образом уживаются как некоторые типичные для либерализма ценности, так и набор норм и ценностей, характерных для “неоэтакратических” обществ. При этом за последние 15–20 лет в сознании россиян произошел *качественный скачок в пользу норм и ценностей либерализма*, и в целом можно говорить о том, что *идея договорного, партнерского характера взаимоотношений с государством все шире распространяется среди населения страны*.

Среди доминирующих в России в общественном сознании норм и ценностей, характерных для либеральной идеологии, в первую очередь следует назвать *огромную значимость для россиян индивидуальной свободы*, понимаемой при этом как противоположность несвободе, зависимости, а не как набор инструментальных политических прав⁶, а также ценность равенства, понимаемого как равенство возможностей, включая равенство всех перед Законом. Что касается ценности свободы, то как свидетельство значимости ее для россиян достаточно привести лишь один факт, хотя на эту тему есть много данных: две трети населения России даже в условиях остро стоящей в стране проблемы бедности и малообеспеченности считают, что свобода лично для них важнее, чем материальное благополучие, и что без свободы жизнь человека теряет смысл⁷.

Растет среди россиян и распространенность норм, свидетельствующих о *росте значимости для них конкретных прав и свобод, понимании плюрализма интересов членов общества*. Так, норму “каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения” в настоящее время разделяют свыше трех четвертей представителей любой возрастной, доходной, образовательной, профессиональной и иной социальной группы. Норму, что “каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций”, поддерживают сейчас уже свыше половины населения страны (55%), хотя еще 15 лет назад таковых было менее половины, и т.д.

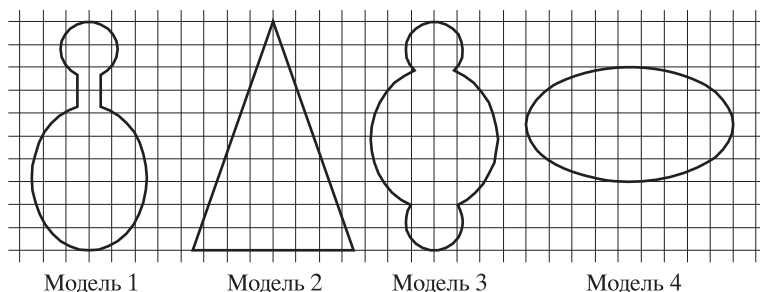
Что же касается идеи равенства, то для России вопрос о равенстве – поистине большой, и с каждым годом он становится все острее. Равенство всех граждан перед Законом выступает сейчас важнейшим признаком демократического устройства общества для более чем трех четвертей (77%) россиян, почти две трети (62%) населения страны видят общество социального равенства как некий идеальный тип общества, в котором они хотели бы жить, подавляющее большинство (83%) населения считают, что неравенство в российском обществе избыточно, и т.д. Однако *стремление к равенству не означает для большинства россиян тяги к уравнительности. Напротив, оно отражает их потребность в такой вполне либеральной (хотя и не неолиберальной) ценности, как равенство возможностей*. Его уверенно предпочитают равенству доходов около 60% населения страны и соотношение 60:40 в этом вопросе практически не изменялось за все последнее десятилетие. Более того – столько же (60%) россиян рассматривают как оптимальные для России модели устройства общества, предполагающие глубокие социальные неравенства (см. рис.).

Как видим, хотя в качестве идеальных населением относительно чаще выбираются модели с высокой долей средних слоев, то есть модели пресловутого общества массового среднего класса (модели 3 и 4), это не отменяет того, что большинство россиян видят идеальное устройство России как общества с достаточно глубокими социальными неравенствами (модели 1–3). Однако причины этих неравенств для

---

⁶ И в этом отношении ситуация в России ближе, например, к Франции конца XVIII в., чем к современной Франции, что достаточно точно отражает этап развития нашей страны на пути перехода от обществ модерна к обществам модерна.

⁷ Здесь и далее, если не оговорено иное, приводятся данные исследования Института социологии РАН “О чем мечтают жители России” (март 2012 г., n = 1751). Выборка этого исследования репрезентировала население страны в возрасте 16–55 лет по региону проживания, а внутри каждого региона – по типу поселения, полу и возрасту. Далее в статье речь будет идти, соответственно, именно об этой возрастной группе россиян.

Доли респондентов, выбравших соответствующую модель для характеристики российского общества (%):

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Как идеальную:	9	20	31	40
Как реальную:	28	57	12	2

Рис. Представления россиян о том, какая модель в наибольшей степени отражает реальную, а какая – могла бы выступать в роли идеальной структуры российского общества.

россиян должны обуславливаться собственным умом, трудом и заслугами человека, в отличие от ситуации, характерной для современной России, где для попадания в число богатых, по мнению населения, решающую роль играет такой фактор, как “везение”, предполагающий наличие нужных связей и умение этими связями успешно воспользоваться. Более того, с годами роль “везения” как фактора, позволяющего попасть в ряды богатых, в глазах населения лишь растет, а роль высокой квалификации – относительно уменьшается (подробнее см. [О чем... 2012]). Таким образом, шансы России приблизиться к меритократической модели постепенно сокращаются, хотя именно эта модель, хорошо сочетающаяся с идеалами либерализма, наиболее точно выражает нормативные представления россиян об идеальном устройстве общества.

Оценивая перспективы эволюции массового сознания в сторону либеральных ценностей, нельзя не учитывать и то, что, как показывают результаты работы всех основных занимающихся анализом динамики норм и ценностей исследовательских групп⁸, в России вообще наблюдается общий дрейф нормативно-ценностных систем населения от характерных для культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам. Причем решающую роль в этом переходе играют, в полном соответствии с идеей Р. Инглхардта о роли различных ценностей в условиях обеспечения задач выживания, утилитарные, прагматические мотивы роста индивидуального благополучия, повышения собственного статуса и самоутверждения даже в ущерб окружающим⁹.

Весьма показательны в этой связи нынешнее отношение россиян к необходимости хоть как-то ограничить свои интересы ради других членов общества, точнее – отсутствие готовности к этому. Например, большинство (53%) россиян считают, что материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хотят, пусть живут бедно, и лишь 47% полагают, что надо проявлять гуманность, и те, кто материально преуспели, должны помогать тем, кто не преуспели. Не удивительно в этой связи и то, что лишь немногим более трети населения сегодня полагают, что государство должно защищать всех малоимущих. При этом доминирует среди россиян точка зрения, что

⁸ В частности, это исследования Н. Лапина и Л. Беляевой, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием различных методик и на разных массивах данных.

⁹ Нельзя не упомянуть, что и российские исследователи акцентировали роль прагматических мотивов в эволюции ценностной системы россиян в сторону либерализма. Так, А. Ахизер отмечал значение в этом процессе ценностей развитого утилитаризма. Важны в этом плане также работы Н. Лапина.

государство должно оказывать помощь только тем категориям населения, которые попали в трудное положение не по своей вине, а 14% даже убеждены, что в рамках системы социальной защиты государство вообще должно поддерживать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов и несовершеннолетних сирот). Как видим, *идея солидарной ответственности не является сегодня в российском обществе доминирующей, и все основанные на ней модели общества (например, социал-демократическая) для выработки общественного договора в России не подходят*. При этом в чем-то население настроено даже жестче, чем государство. Так, если последнее все больше ориентируется на адресную помощь всем беднейшим, то население не считает нужным помогать тем, кто сами виноваты в своей бедности (алкоголикам и другим представителям люмпенизированных слоев), как бы глубока их бедность ни была. Однако одновременно оно считает необходимым оказывать помощь ряду категорий населения, даже если их бедность не очень глубока (“честно отработавшие всю жизнь”, многодетные семьи, сироты и т.п.).

Итак, многие либеральные ценности (на самом же деле список их гораздо шире, чем упомянутые выше) уже достаточно прочно укоренились в сознании россиян. Однако, отражая противоречивость и переходность нынешнего этапа эволюции нормативно-ценностных систем, с ними соседствуют нормы и ценности, вытекающие из неозакратической природы российского общества и весьма далекие от классически либеральных, в частности убеждение, что “государство отвечает за все”. Как показывают эмпирические данные¹⁰, государство для россиян при этом – особый институт, определяющий стратегические цели развития общества и обеспечивающий его, это смыслозадающий субъект, думающий и заботящийся о благополучии нации в целом. И только при выполнении им данной миссии его деятельность будет легитимна в глазах населения.

В этих условиях смысл существования государства и само право его на существование для россиян в гораздо большей степени, чем для населения других стран, обуславливаются его способностью выражать и реализовывать тот самый общий интерес, который играет огромную роль в концепции общественного договора и идеологии социального либерализма. И интерес этот выражается, как опять-таки показывают данные исследований, с одной стороны, *в необходимости формулирования внятной стратегии развития страны, учитывающей запросы общества и существующие в нем представления о социальной справедливости*, а с другой – *в выполнении государством функций, связанных с заботой о собственном населении*. Однако последние для большинства россиян связаны не с раздачей населению разного рода благ, а прежде всего с *созданием условий для их самостоятельной активности, созданием среды, в которой можно вырабатывать индивидуальные долгосрочные стратегии решения собственных проблем*. А это значит, что государство должно обеспечивать рост экономики и прозрачность рынка труда, четкие правила взаимодействия работников и работодателей, низкую инфляцию, позволяющую сберегать и инвестировать, не меняющееся постоянно законодательство, равенство всех перед законом, эффективно

---

¹⁰ Речь идет об исследованиях Российского независимого института социальных и национальных проблем “Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов” (1995 г., n = 1462) и “Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?” (1998 г., n = 3000), Института комплексных социальных исследований РАН “Богатые и бедные в современной России” (2003 г., n = 2106) и “Собственность в жизни и восприятии россиян” (2005 г., n = 1751), а также Института социологии РАН “Социальное неравенство в социологическом измерении” (2006), “Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?” (2008 г., n = 1751); “Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов” (2009 г., n = 1749), “Готово ли российское общество к модернизации” (2010 г., n = 1734), “Двадцать лет реформ глазами россиян” (2011, n = 1741), “О чем мечтают жители России” (2012 г., n = 1751) и др., проводившихся одной и той же исследовательской группой под руководством М. Горшкова. Выборка всех этих исследований репрезентировала население страны в целом по региону проживания, а внутри каждого региона – по типу поселения, полу и возрасту (за исключением данных опросов 1998, 2006 и 2012 гг. – выборка этих исследований не включала россиян старше 65 и 55 лет, соответственно).

работающую судебную систему, преодоление тотальной коррупции и т.д. Как видим, это запрос, четко идущий в духе доктрины “социального либерализма” (хотя и не неолиберализма). На практике в наиболее полной форме он был реализован еще Л. Эрхардтом в послевоенной Германии и способствовал успешному развитию рейнской модели капитализма и формированию так называемой континентальной модели государств всеобщего благосостояния.

Нельзя не вспомнить и о том, что главная задача политики такой модели этих государств состоит вовсе не в раздаче благ, а в обеспечении условий для свободной самодетельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно позаботиться о себе и своих близких. Создать условия для того, чтобы каждый имел возможность получить образование, профессию, рабочее место, стимулировать сбережения и стремление обзавестись собственностью, обеспечивать государственные гарантии равенства шансов и удовлетворения базовых потребностей для тех, кто оказался в тяжелом положении не по своей вине, – вот важнейшие направления политики “Благосостояние для всех”, провозглашенной в свое время Эрхардтом (который, напомним, был представителем правого крыла немецкой политической элиты). Как показывают социологические данные, эти принципы соответствуют и ожиданиям большинства современных россиян по отношению к государству, отражая их запросы в рамках приемлемого для них общественного договора.

Посмотрим теперь, как выглядят представления о своих обязанностях в рамках общественного договора у российских “элит”¹¹. Сразу подчеркну, что понятие элиты не случайно взято мной в кавычки. На мой взгляд, *основной бедой современной России является даже не пресловутая “нефтяная игла”, а отсутствие в ней подлинной элиты* (как во власти, так и в оппозиции) – элиты, способной ощущать свою ответственность перед страной и народом. И отдельные персональные исключения, к сожалению, “погоду” в данном случае не делают. Понимание своей роли и ответственности формируется у членов элитных групп, как известно, двумя путями. Это: 1) наследственное воспроизводство элитных групп¹², при котором соответствующие нормы и ценности усваиваются в процессе социализации; 2) жесточайший конкурентный отбор, который в современных обществах с рыночной экономикой проходит в целом в соответствии с меритократическими принципами, что обеспечивает, хотя бы на этапе вторичной социализации, усвоение соответствующих норм и ценностей.

Что же касается российской элиты, то характер ее формирования в последние 20 лет был мало связан с выбором действительно наиболее достойных. Конкуренция по качеству человеческого капитала тут была отнюдь не основным фактором. Ключевую роль играли, скорее, личная лояльность и связи. В итоге вместо наследственных элит или элит, сформированных на основе меритократических принципов, *Россия имеет сегодня псевдоэлиту, не осознающую своих функций в обществе и воспроизводящую нормативно-ценностные системы обычного, рядового населения*. Как говорится, “вышли мы все из народа” и, увы, далеко от него в этом отношении не ушли. В то же время в отличие от рядового населения, *профессионализм элит определяется не только их технической грамотностью, но и наличием у них специфических нормативно-ценностных систем, отражающих функциональный аспект их социальной роли*.

К сожалению, и жизненный опыт россиян, и данные исследований¹³ свидетельствуют, что современные элиты и субэлиты в России не просто технократически ори-

¹¹ Конечно, говоря о взглядах и позиции элит, я имею в виду не элиты как совокупность отдельных их представителей, а элиты как определенный субъект социального действия. Как общий интерес общества не сводится к интересам отдельных его членов, а зачастую даже противоречит этим интересам, так и позиция элит как особого субъекта социальной жизни может значительно отличаться от индивидуальных взглядов и мотиваций членов элитных групп.

¹² При этом под элитными группами я подразумеваю не только политическую, но и экономическую, научную и иные элиты. Исключение – та часть элитных и субэлитных групп, которая связана со спортом и шоу-бизнесом, то есть теми областями, где ключевую роль играют природные данные, а не только культурный капитал (в понимании П. Бурдьё) человека, и для которых нехарактерно межпоколенческое воспроизводство элит.

¹³ Помимо результатов исследования элитных групп О. Крыштановской, А. Чириковой, Г. Сатаровым,

ентированы – они в принципе не осознают необходимости выполнения определенных функций в рамках неформального договора с обществом. Складывается впечатление, что российские элиты вообще не мыслят в этих категориях, и просто пытаются снять с себя любую ответственность за реализацию социальных (в широком смысле этого слова) функций государства. Более того, со ссылками на неолиберализм и недопустимость поощрения патерналистских ожиданий они пытаются отстоять свое право уже не просто выдавать свои интересы за интересы общества, а в принципе отрицать существование последних и свою ответственность за их реализацию. И даже идеология социального либерализма, успешно использовавшаяся на протяжении десятилетий многими странами и обеспечившая им быстрый экономический рост в сочетании с социальной стабильностью, кажется им уже слишком левой. При этом они не понимают, что для подлинной элиты такое поведение просто неприлично и что отнюдь не по собственному недомыслию элиты большинства западных стран еще со времен Нового курса Т. Рузвельта, Великой депрессии и кейнсианства ориентировались на идеи социального либерализма.

В этом плане вся критика лозунга советской эпохи о том, что “каждая кухарка может управлять государством”, оказывается вполне применимой и к современной эпохе за одним исключением, которое, к сожалению, не в пользу нынешнего времени: если в советский период элита все-таки ощущала свою ответственность за происходящее *в стране в целом*, то нынешние элиты принципиально не хотят ощущать за это никакой ответственности, сводя свои задачи в лучшем случае к выполнению своих конкретных производственных обязанностей (подготовка бюджета и т.п.). Более того, многих их представителей чрезвычайно возмущает даже сама постановка вопроса об этой ответственности, которую они воспринимают как проявление “иждивенчества”.

Идея общественного договора при этом находится вне сознания большинства не только политической, но даже научной элиты (экспертного сообщества). Процесс мышления неолиберального крыла этих элит протекает в каких-то иных мировоззренческих координатах, описываемых в категориях “подданные”, “позволить”, “облаготворительствовали”, “мы им добавили (пенсии, зарплаты и т.д.)”, “пусть спасибо скажут” и т.д. Слушая предложения многих наших политиков и экспертов, подчас просто диву даешься. Такое ощущение, что о своих крепостных говорят потерявшие чувство реальности приказчики (так как у “бар” было за них обычно хоть какое-то чувство ответственности – примером такой весьма специфической, идущей от далекого прошлого, но все же бесспорной ответственности “за народ” выступает политическая позиция и мировоззрение представителя потомственной элиты Н. Михалкова). При этом ими “забываются” не только аксиоматичная для политиков и экспертов западных стран идея общественного договора, но и масса конкретных фактов, свидетельствующих об оправданности нарастания в российском обществе недовольства. Я имею в виду и то, что сам мандат на ликвидацию советской модели общества был получен в значительной степени под лозунгом “борьбы с привилегиями” и открытия новых лифтов социальной мобильности (ситуация с которыми теперь стала намного хуже, чем в советское время). На деле же произошло и исчезновение общественных фондов потребления (без перераспределения ушедших в них средств на заработную плату работников, но с направлением их вместо этого на “первоначальное накопление капитала”), и

М. Афанасьевым, Левада-Центром и др., сошлюсь также на результаты исследований, участником которых я сама являлась. Так, уже на рубеже ельцинской и путинской эпох политическая, административная и бизнес-элиты в подавляющем большинстве (более 80%) усматривали основные цели даже социальной политики лишь в обеспечении стабильности в обществе и защите интересов правящих групп. Что же касается таких функций социальной политики, как помощь наиболее обездоленным слоям населения, поддержка экономически активного населения, сохранение и развитие человеческого потенциала страны и т.д., то о них упоминалось в этой связи гораздо реже (см. [Государственная... 2003]). Спустя 10 лет личные интересы стали для правящей элиты еще более значимы, и даже на уровне деклараций ни один (!) из опрошенных работников системы государственного и муниципального управления в ходе исследования “Готово ли российское общество к модернизации?” не сказал, что в случае конфликта личных и общественных интересов он руководствовался бы интересами государства.

попытки, во все большей степени возложить на население решение социальных задач, решавшихся ранее с помощью этих фондов (образование, здравоохранение, рекреация, жилье и т.д.). Возросло и бремя граждан по обслуживанию базовых социальных потребностей (идея введения налога на имущество при “спускании на тормозах” идеи налога на роскошь, постоянный рост тарифов на ЖКХ, фактический отказ государства от обязательств по капитальному ремонту жилищного фонда и т.д.).

Логика действий элит исходит при этом из посылки “мы им ничего не должны”. Это принципиально неверно. *Мы – политические, административные, научные, бизнес-элиты – многое должны народу нашей страны.* Население России дало мандат на смену элит и самого типа общества именно потому, что его не устраивало прежнее положение. И именно потому, что оно сохраняло надежду на формирование больше отвечающего его представлениям об оптимальном общественном устройстве социума, оно достаточно спокойно перенесло тяжелейшие 1990-е гг. с колоссальным падением уровня жизни, всплеском преступности, формированием чудовищной по глубине социальной дифференциации и т.д. Поэтому же после прихода в последние годы осознания, что нынешнее состояние общества – это уже не состояние транзита, а как раз то общество, в котором придется жить им и их детям, несмотря на беспорный рост уровня жизни, люди стали выходить на улицы с протестами. Причем протесты эти, в четком соответствии с постепенным осознанием рядовыми гражданами России идеи общественного договора и себя как одного из его субъектов, идут не под экономическими или политическими лозунгами, а под лозунгами, которые можно рассматривать как общегражданские – “мы хотим, чтобы с нами считались”, “уважайте нас – мы граждане этой страны”, и т.п.

Конечно, можно в полном соответствии с логикой России времен крепостничества полагать, что это “смутьяны народ мутят”, пытаться выявлять, запугивать и изолировать этих “смутьянов” и наращивать численность и вооруженность разного рода силовых структур. Нынешние элиты так и делают, в очередной раз демонстрируя свое непонимание не только идеи общественного договора, но и “коридора возможностей” своих действий в рамках формирующегося запроса на него. Однако, как показывает опыт всех революций, в том числе и российских, такими методами невозможно предотвратить формирование новой повестки дня общественного договора, если она действительно выстрадана обществом. И чем больше будут пытаться оттянуть момент осознания, что *идеология социального либерализма – единственная приемлемая для России основа общественного договора*, и подставить вместо нее поддерживаемую уже не нагайками и штыками, а водометами и слезоточивым газом неолиберальную идеологию, тем болезненнее будут последствия для всего общества, в том числе и самих элит.

В данной связи не могу не отдать должное нынешнему руководству страны и части ее губернаторского корпуса в противовес неолиберальным элитам как в политике, так и в науке. Нельзя не признать, что, при всех минусах нынешней власти, в частности непонимании ею сути запроса со стороны населения к общественному договору и сведению этого запроса лишь к социально-экономическим сюжетам, многие нынешние политические лидеры, в том числе В. Путин и Д. Медведев, все-таки хотя бы на уровне политической риторики не отрицают свою ответственность перед гражданами и существования не сводимых к интересам отдельных индивидов “общих интересов” (другой вопрос – интерпретация ими этих интересов). Такая позиция в любом случае оставляет для власти больший “коридор возможностей”, чем упорно навязываемая российскому обществу как альтернатива нынешней политике неолиберальная доктрина.

Таким образом, проблема выбора идеологии и стратегии дальнейшего развития России заключается не только в том, что государство в лице элитных групп и население говорят в своем диалоге на разных языках, и одно и то же действие в контексте этих разных знаковых систем приобретает различный смысл. Главная проблема заключается в *отрицании российскими элитами в целом как самостоятельно действующим субъектом не только необходимости самого этого диалога, но и идеи общественного договора как таковой с неизбежно вытекающей отсюда попыткой отказать от*

ответственности за возложенные именно на элитные группы обязанности по реализации “общего интереса” вплоть до отрицания самого этого интереса как социального по своей природе.

В этих условиях принятие неолиберальной доктрины, при которой функции государства сводятся на словах – к обеспечению максимальных темпов экономического роста, а на деле – к защите интересов капитала вместо интересов общества как не только фактической, но и официальной идеологии российских элит, может резко ухудшить ситуацию. Более того, оно поставит крест на всех попытках сделать Россию цивилизованной, свободной и современной страной. В то же время идеология социального либерализма, оставляя, как показывает опыт других стран, достаточно большие возможности для защиты классовых интересов элит, позволяет выработать тот тип общественного договора, который был бы приемлем также и для населения, а в перспективе – обеспечил бы России длительное устойчивое развитие и достойное место на международной арене. Для этого нужно “лишь” (!) четко понять, в чем же заключается этот “общий интерес”, который должно реализовывать государство в лице элитных групп, – во-первых, и сформировать политические механизмы, обеспечивающие решение этой задачи, – во-вторых. Впрочем, вопрос о том, как это сделать, – тема совсем другого разговора. Если же говорить о дальнейшем развитии методологии социальных наук как основы всей системы государственного управления, то наиболее важно сегодня, на мой взгляд, понять, можно ли, и если да – то в какой степени и в какой именно части, рассматривать деятельность современного российского государства как реализацию “общего интереса”, как отразить соответствующие выводы в аналитических и математических моделях, описывающих современное российское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003.
Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.
Милль Дж.С. Основания политической экономии. В 2 т. Т. 1. М., 1980.
О чем мечтают россияне? М., 2012.
Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
Тихонова Н.Е. Бюрократия: часть общества или его контрагент? // Социологические исследования. 2006. № 3.
Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995–2010 годы // Общественные науки и современность. 2011^а. № 4.
Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии. 2011^б. № 3.
Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации // Terra economicus. 2011^б. Т. 9. № 2.
Тихонова Н.Е. Особенности “российских модернистов” и перспективы культурной динамики России. Статьи 1, 2 // Общественные науки и современность. 2012. № 2, 3.
Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008^а. № 2.
Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008^б. № 3.
Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Социальная политика: есть ли альтернатива // Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003.
Шабанова М.А. Социоэкономика и современность (О пользе и рисках экспансии экономического подхода) // Общественные науки и современность. 2010. № 4.
Шабанова М.А. Социоэкономика. Для экономистов, менеджеров, госслужащих. М., 2012.
Шкаратан О.И. Становление постсоветского неоэтакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1.